

УДК 343.125.2**Задержание подозреваемого: назначение, цели, получение и фиксация доказательственной информации****Глазачева Марина Михайловна**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики,
Сибирский университет потребительской кооперации,
630087, Российская Федерация, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 26;
e-mail: mmk_11@list.ru

Аннотация

В настоящей статье задержание подозреваемого рассматривается в ретроспективе, в контексте его исторического предназначения, через призму системы уголовно-процессуальных функций. Анализируется возможность отнесения задержания подозреваемого к числу процессуальных действий, охваченных функцией уголовного преследования. Проводится анализ научных работ, посвященных вопросам доказательственного значения задержания. Изучаются различия между задержанием и следственными действиями в их целях, задачах, процессуальном оформлении, рассматриваются аспекты познавательной направленности задержания, целесообразности и допустимости фиксации в протоколе задержания доказательственной информации. На основе сравнительного анализа целей задержания и уголовного преследования автор приходит к выводу, что задержание не может отождествляться с функцией уголовного преследования (выступать его элементом) ввиду принципиальных различий в системах их основных целей. Подчеркивая комплексный характер задержания и обеспечительную направленность целей, автор признает и его познавательную сущность, выражает позицию, что доказательственная информация может и должна фиксироваться в протоколе задержания, что позволяет рассматривать его как полноценный, допустимый источник доказательств.

Для цитирования в научных исследованиях

Глазачева М.М. Задержание подозреваемого: назначение, цели, получение и фиксация доказательственной информации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 4А. С. 625-633.

Ключевые слова

Уголовное преследование, задержание подозреваемого, протокол задержания, неотложные следственные действия, доказывание, собирание доказательств, меры уголовно-процессуального принуждения.

Введение

Процессуальная деятельность, реализуемая со стороны обвинения для изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступного деяния, именуется уголовным преследованием (далее – преследование) (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Названная правовая категория не претерпела никаких изменений, начиная со вступления в свое непосредственное действие УПК РФ и до сегодняшнего дня. Буквальное толкование приведенной дефиниции позволяет обоснованно утверждать, что основным критерием, характеризующим сущность данной деятельности, необходимо признать цель ее осуществления, а непосредственно – направленность на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступного деяния.

Одновременно следует принимать во внимание процессуальный статус лица, в отношении которого преследование может быть реализовано: подозреваемый или обвиняемый.

Следовательно, начало осуществления преследования совпадет по времени с обретением процессуального статуса одним из названных участников судопроизводства, и в самом раннем проявлении отправной точкой, «запускающей механизм» преследования, может выступать момент фактического (непосредственного) задержания лица, подозреваемого в совершении определенного преступного деяния.

Рассмотрение задержания по подозрению в совершении преступного деяния через призму преследования на первый взгляд предоставляет возможность определить задержание как бесспорный элемент преследования, одну из ипостасей проявления исследуемого вида процессуальной деятельности.

При этом п. 11 ст. 5 и гл. 12 УПК РФ закрепляет, что под задержанием подозреваемого (далее – задержание) следует понимать меру процессуального принуждения (далее – МПП), которая применяется органом дознания, а помимо этого дознавателем и следователем.

Особое значение в этой связи приобретают непосредственные цели задержания в совершении преступного деяния – юридическая категория, которая не нашла своего нормативного отражения в тексте современного УПК РФ и при этом достаточно широко дискутируется уголовно-процессуальной наукой. Ошибочное целеполагание в рассматриваемом вопросе неизбежно обусловит ущемление базовых конституционных прав того лица, в отношении которого задержание применяется.

Основная часть

Ретроспективный анализ отечественного законодательства демонстрирует, что вопросы понимания природы задержания в совершении преступного деяния, его назначения и целей исторически рассматривались в совершенно разных контекстах и при этом не имели единого подхода в истолковании.

Так, ст. 100 УПК РСФСР 1923 года предписывала органам дознания производить задержание лица, которое подозревается в совершении преступного деяния, подлежащего производству предварительного следствия, исключительно как меру предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда и при этом только в строго определенных ситуациях. То есть нормативная цель такого задержания носила превентивный характер.

Статья 122 УПК РСФСР 1960 года, регламентируя основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления, такой категории, как цели задержания, не содержала,

и никаких ориентирующих указаний, позволяющих однозначно определить данную правовую категорию, не приводила.

Вместе с тем нормативное регулирование целей задержания, получившее практическую реализацию и теоретическое осмысление, имело место на уровне Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, от 13 июля 1976 года [Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, 1976].

Сегодня в традиционном, минималистичном понимании к целям задержания принято относить:

- а) установление причастности или непричастности лица к совершению преступного деяния;
- б) разрешение вопроса о применении к данному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подобная позиция не является оригинальной и унаследована из нормативных формулировок, содержащихся в ст. 1 вышеназванного Положения, которая цели задержания определяла лаконично и недвусмысленно.

Современные сторонники приведенной позиции предлагают при определении актуальных целей задержания опираться на положения ч. 1 ст. 94 УПК РФ и выводить искомые цели логическим путем из оснований освобождения подозреваемого [Давлетов, 2022, 118].

В полной мере соответствует содержанию названных целей позиция, согласно которой цель задержания носит двуединый, неразделимый характер, а ее достижение реализуется одновременно в двух направлениях [Кальницкий, 2001, 69].

В литературе наличествует точка зрения, относящая к целям задержания также установление личности задержанного.

В свою очередь, опираясь на положения статьи 91 УПК РФ, иные исследователи приходят к заключению, что в качестве целей задержания надлежит рассматривать: а) пресечение преступной деятельности; б) воспрепятствование попыткам лица скрыться от органов предварительного расследования; в) обеспечение возможности дальнейшего производства по уголовному делу (далее – УД) [Сопнева, 2011, 206].

Одновременно рядом ученых аргументируется позиция о необходимости разграничения целей и задач задержания по подозрению в совершении конкретного преступного деяния. При этом отдельные категории, приведенные выше в качестве самостоятельных целей, предлагается отнести к задачам на том основании, что таковые носят более частный характер и подлежат разрешению в каждом случае применения анализируемой МПП [Ольшевский, 2006, 33].

Рассмотренный спектр целей задержания позволяет констатировать, что отсутствие четкого нормативного закрепления данной дефиниции в тексте УПК создает определенную почву для довольно широких научных дискуссий, а как следствие, и для произвольного истолкования исследуемой правовой категории правоприменителем.

В рамках нашего исследования цели задержания представляют интерес, прежде всего, для уяснения вопроса процессуальной природы задержания и установления возможности рассмотрения данной МПП в качестве элемента (формы выражения) преследования.

Не углубляясь в научную полемику, полагаем возможным резюмировать, что элементом уголовного преследования задержание может выступать только в случае согласованности целей данных правовых категорий.

При этом полагаем, что цель преследования имеет скорее познавательную, исследовательскую, доказательственную направленность. В то время как большинство из

предлагаемых теоретиками целей задержания по подозрению в совершении преступления носят обеспечительный характер и с процессом доказывания связаны опосредованно.

Дополнительного осмысления в этой связи заслуживают нормы основополагающих источников отечественного УПК, содержащие исторически значимые концептуальные положения о процессуальной природе задержания. Подобным источником может выступать непосредственно Устав уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 года. Согласно указанному источнику, меры, которые принимаются со стороны полицейской и иных административных властей с целью предупреждения (пресечения) преступных деяний и проступков в порядке, установленном нормами закона, к судебному преследованию никаким образом не относятся (Примечание к статье 1 Устава) [Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г., 1864].

Иными словами, в историческом аспекте процессуальная природа преследования и природа задержания по подозрению в совершении преступления различны.

Следовательно, в условиях современности тезис о допустимости рассмотрения задержания в качестве структурного элемента уголовного преследования представляется сомнительным и небесспорным.

В непосредственной взаимосвязи с рассмотренным вопросом находится проблема доказательственного значения задержания по подозрению в совершении преступления.

Научная полемика в данной области не ослабевает и, подчас приобретая гиперболизированный характер, превращается в длительные теоретические дискуссии.

Широкий резонанс получила, в частности, научная дискуссия между такими видными учеными-процессуалистами, как А.А. Тарасов и С.Б. Россинский, поводом к которой послужила публикация А.А. Тарасова о познавательной сущности задержания [Тарасов, Шейфер, 2017]. На страницах юридической прессы развернулась настолько емкая и содержательная полемика, что детального рассмотрения позиций названных ученых достаточно не только для уяснения существа проблемы, но и для обстоятельной аргументации собственной точки зрения.

Подробно исследуя научное наследие заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора С.А. Шейфера, профессор А.А. Тарасов четко сформулировал и поддержал последовательную позицию С.А. Шейфера, относившего задержание к числу способов собирания доказательств.

Так, доказывая обоснованность занятой позиции, А.А. Тарасов отмечал уникальность сведений об обстоятельствах задержания, получить которые путем производства иных процессуальных действий не представляется возможным. При этом нацеленность конкретного процессуального действия на собирание и закрепление доказательственной информации предлагалось рассматривать в качестве достаточного обстоятельства для отнесения такого процессуального действия к категории следственных действий [Шейфер, 2001]. В пользу такого решения выступает и то обстоятельство, что непосредственное задержание документируется в возможно короткий срок, что позволяет оперативно фиксировать в протоколе максимально объективную доказательственную информацию.

В условиях действия УПК РСФСР 1960 года рассматриваемая позиция находила и убедительное нормативное подтверждение. Так, ст. 87 УПК РСФСР, содержавшая перечень протоколов следственных и судебных действий, являющихся доказательствами по УД, называла в числе таковых и протокол задержания. Логичным дополнением данной нормы выступали положения ст. 119 УПК РСФСР, включающей задержание, наряду с осмотром, обыском, выемкой, освидетельствованием, допросом подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, в

перечень неотложных следственных действий, цель которых – установить и закрепить следы совершенного преступного деяния.

Правовые формулировки, применяемые в современной редакции УПК РФ, минимизировали возможность нормативной аргументации доказательственного значения задержания.

Основываясь на нормах действующего УПК, профессор С.Б. Россинский утверждает, что задержание не может рассматриваться в качестве следственного действия, поскольку не носит познавательной направленности, а протокол задержания по своей процессуальной природе выступает документом-решением, в котором не могут содержаться обстоятельства, имеющие значение для УД, а следовательно, не может приравниваться к источникам доказательств, закрепленных в ст. 83 УПК РФ. Наименование же протокола задержания представляется автору проявлением анахронизма [Россинский, 2018, 142].

В качестве самостоятельного аргумента, снижающего потенциальную познавательную значимость протокола задержания, С.Б. Россинский приводит условия практической реализации задержания и последующего составления протокола, справедливо указывая, что в большинстве случаев непосредственное задержание и его документирование осуществляются совершенно разными лицами. При этом участник процесса, составляющий протокол задержания, информацию об обстоятельствах задержания воспринимает опосредованно, что, по существу, в известной мере уменьшает степень достоверности документируемых сведений.

На буквальном толковании норм закона основана позиция В.В. Кальницкого, который, не углубляясь в системный исторический анализ норм отечественного УПК и не пускаясь в научные дискуссии, констатирует, что только УПК РСФСР 1960 года причислял задержание к числу соответствующих следственных действий, а УПК РФ созвучных нормативных положений в себе не содержит [Кальницкий, 2003].

Аналогичной точки зрения придерживается М.М. Шамсутдинов, отмечая, что задержание следует рассматривать исключительно как МПП не только по причине четкого определения законом нормативного статуса задержания, но и ввиду того, что его цели не согласуются с целями следственных действий [Шамсутдинов, 2015, 170].

Ряд теоретиков, примиряя две полярные позиции, подчеркивает многогранность природы задержания, позволяющей рассматривать его и как МПП, и как следственное действие [Большаков, Назаров, 2021; Баксалова, 2015, 22].

В свете изложенного полагаем, что УПК РФ справедливо причислил задержание не к следственным действиям, а к МПП. По нашему мнению, задержание, безусловно, является именно МПП, однако зачастую сложно оспаривать и его доказательственное значение.

Аргументы, приводимые в пользу отсутствия у задержания познавательной составляющей, представляются нам не вполне убедительными. Наряду с основной целью задержания – установлением причастности лица к совершенному преступному деянию, органы предварительного расследования также устанавливают и протоколируют обстоятельства задержания при обнаружении подозреваемого на месте совершенного преступления, а равно при обнаружении и фиксации явных следов преступного деяния на нём или его одежде. Все эти сведения имеют доказательственный характер, а их материальный носитель – протокол задержания может и должен выступать в качестве полноценного доказательства по УД. Действительно, это не протокол следственного действия. Но нет никаких оснований отказать протоколу задержания в признании его доказательством, предусмотренным ст. 84 УПК РФ – иным документом.

Задержание, по сути, считается комплексным процессуальным действием, состоящим из

физического задержания, его процессуального оформления и допроса подозреваемого. Представляется очевидным неотложный характер задержания, подразумевающий не только незамедлительность принятия решения, но и оперативность его документального оформления. На практике допрос подозреваемого чаще всего проводится именно после его задержания. Одновременно следует признать, что по УПК РСФСР позиция законодателя в части отнесения задержания и допроса задержанного к числу неотложных следственных действий была вполне оправданной с точки зрения акцентуации на неотложном характере таких действий, что в случае задержания сомнений не вызывает.

Необходимость законодательной корректировки норм УПК РФ, которые определяют и регламентируют порядок производства неотложных следственных действий, по нашему мнению, бесспорна.

Так, согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ, под неотложными следственными действиями следует понимать такие действия, которые осуществляются органом дознания после возбуждения УД, по которому производство предварительного следствия является обязательным, для обнаружения и фиксации следов совершенного преступного деяния, а помимо этого, и доказательств, которые требуют незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Полагаем, что требуется как минимум более четкая дефиниция неотложных следственных действий без ссылки на обязательность возбуждения УД перед их производством [Кузембаева, 2006, 181].

Учитывая, что ч. 1 ст. 157 УПК РФ ограничивает полномочия органа дознания по УД, где производство предварительного следствия обязательно, возбуждением УД и производством неотложных следственных действий, закономерен вопрос, полномочен ли орган дознания применять МПП, а прежде всего именно задержание, носящее неотложный характер. Системное толкование процессуальных норм, регламентирующих производство неотложных следственных действий, дает отрицательный ответ на данный вопрос.

После передачи УД по посредственности возможность органа дознания задерживать исключает ч. 4 ст. 157 УПК РФ, поскольку в ней говорится лишь об установлении лица, которое совершило преступное деяние.

Думается, что процессуальное задержание, принципиально не отнесенное законом к следственным действиям, должно быть упомянуто в ст. 157 УПК РФ как МПП, применяемая органом дознания наряду с производством неотложных следственных действий. Аналогичные мнения высказываются на страницах научных работ [Айвазова, 2002, 8]. Соответствующие дефиниции формулировались нами ранее в рамках более детального анализа данного вопроса [Кузембаева, 2006, 20].

Заключение

Подведем итог нашего исследования: 1) задержание не может рассматриваться как элемент преследования ввиду рассогласованности их целей; 2) в рамках современной редакции УПК РФ задержание подозреваемого выступает МПП, носящей многоаспектный, комплексный характер; 3) приоритетные цели задержания имеют обеспечительную направленность; 4) правовая природа задержания в комплексе с процессуальным механизмом его производства и документирования предоставляют возможность констатировать обеспечительную и познавательную сущность данной меры принуждения; 5) протокол задержания, в котором отражена доказательственная информация, не однороден протоколу следственного действия, но может быть определен в качестве доказательства как иной документ.

Библиография

1. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград. 2002. 25 с.
2. Баксалова А.М. Некоторые проблемы задержания подозреваемого // Актуальные проблемы юридической науки: материалы междунар. науч. конференции. Новосибирск.: изд-во НГТУ, 2015. С. 21-25.
3. Большаков Е.В., Назаров И.Д. К вопросу о процессуально-правовой проблематике задержания лица по подозрению в совершении преступления // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 119-130.
4. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. 348 с.
5. Кальницкий В.В. Следственные действия. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 72 с.
6. Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001. 104 с.
7. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск., 2006. 228 С.
8. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск. 2006. 22 с.
9. Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с.
10. Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 года № 4203-IX (утратило юридическую силу)) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.
11. Россинский С.Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается... // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134-145.
12. Сопнева Е.В. Назначение подозрения в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 205-208.
13. Тарасов А.А., Шейфер С.А. О познавательной сущности задержания подозреваемого // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. Т. 3. С. 63-67.
14. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г. // Полное собрание законов РИ. Собрание 2. 1864. Т. 39. № 41476.
15. Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 169-174.
16. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

Detention of a suspect: purpose, goals, obtaining and recording of evidentiary information

Marina M. Glazacheva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of criminal law,
procedure and criminology,
Siberian University of Consumer Cooperation,
630087, 26 Karla Marksa ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: mmk_11@list.ru

Abstract

In this article, the detention of a suspect is examined in retrospect, in the context of its historical purpose, through the prism of the system of criminal procedural functions. The possibility of classifying the detention of a suspect as one of the procedural actions covered by the function of criminal prosecution is analyzed. An analysis of scientific works devoted to issues of evidentiary

value of detention is carried out. The differences between detention and investigative actions in their goals, objectives, procedural design are studied, aspects of the cognitive orientation of detention, the appropriateness and admissibility of recording evidentiary information in the detention protocol are considered. Based on a comparative analysis of the purposes of detention and criminal prosecution, the author comes to the conclusion that detention cannot be identified with the function of criminal prosecution (act as its element), due to fundamental differences in the systems of their main goals. Emphasizing the complex nature of the detention and the security orientation of the goals, the author also recognizes its cognitive essence and expresses the position that evidentiary information can and should be recorded in the arrest report, which allows it to be considered as a full-fledged, admissible source of evidence.

For citation

Glazacheva M.M. (2024) Zaderzhanie podozrevaemogo: naznachenie, tseli, poluchenie i fiksatsiya dokazatel'stvennoi informatsii [Detention of a suspect: purpose, goals, obtaining and recording of evidentiary information]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (4A), pp. 625-633.

Keywords

Criminal prosecution, detention of a suspect, detention protocol, urgent investigative actions, proof, collection of evidence, measures of criminal procedural coercion.

References

1. Aivazova O.V. (2002) Kontseptsiya instituta proizvodstva neotlozhnykh sledstvennykh deistvii v kontekste rossiiskogo ugolovno-protsessual'nogo zakona. Dokt. Diss. Abstract [The concept of the institution of urgent investigative actions in the context of the Russian criminal procedure law. Doct. Diss. Abstract]. Volgograd.
2. Baksalova A.M. (2015) Nekotorye problemy zaderzhaniya podozrevaemogo [Some problems of detaining a suspect]. Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki: materialy mezhdunar. nauch. Konferentsii [Current problems of legal science: materials of the international scientific conferences]. Novosibirsk.: o NGTU Publ., pp. 21-25.
3. Bol'shakov E.V., Nazarov I.D. (2021) K voprosu o protsessual'no-pravovoi problematike zaderzhaniya litsa po podozreniyu v sovershenii prestupleniya [On the issue of procedural and legal issues of detaining a person on suspicion of committing a crime]. Prolog: zhurnal o prave [Prologue: a magazine about law], 2, pp. 119-130.
4. Davletov A.A. (2022) Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossiiskoi Federatsii [Criminal proceedings of the Russian Federation]. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Kal'nitskii V.V. (2003) Sledstvennye deistviya [Investigative actions], 2nd ed. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii.
6. Kal'nitskii V.V. (2001) Sledstvennye deistviya [Investigative actions]. Omsk.
7. Kuzembaeva M.M. Funktsional'naya kharakteristika deyatel'nosti doznavatelya i organa doznaniya v ugolovnom protsesse Rossii. Dokt. Diss. [Functional characteristics of the activities of the investigator and the inquiry body in the criminal process of Russia. Doct. Diss.]. Omsk., 2006. 228 S.
8. Kuzembaeva M.M. (2006) Funktsional'naya kharakteristika deyatel'nosti doznavatelya i organa doznaniya v ugolovnom protsesse Rossii. Dokt. Diss. Abstract [Functional characteristics of the activities of the investigator and the inquiry body in the criminal process of Russia. Doct. Diss. Abstract]. Omsk.
9. Ol'shevskii A.V. (2006) Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya. Dokt. Diss. [Detention of a suspect as a measure of criminal procedural coercion. Doct. Diss.]. Moscow.
10. Polozhenie o poryadke kratkovremennogo zaderzhaniya lits, podozrevaemykh v sovershenii prestupleniya (utv. Ukazom Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 13 iyulya 1976 goda № 4203-IX (utratiло yuridicheskuyu silu)) [Regulations on the procedure for short-term detention of persons suspected of committing a crime (approved by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 13, 1976 No. 4203-IX (lost legal force))] (1976).. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. St. 426* [Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. Art. 426], 29.
11. Rossinskii S.B. (2018) Diskussiya o sushchnosti i pravovoi prirode zaderzhaniya podozrevaemogo prodolzhaetsya... [The discussion about the essence and legal nature of the detention of a suspect continues...]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 6, pp. 134-145.
12. Sopneva E.V. (2011) Naznachenie podozreniya v ugolovnom protsesse [Assignment of suspicion in criminal

-
- proceedings]. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3 (16), pp. 205-208.
13. Tarasov A.A., Sheifer S.A. (2017) O poznavatel'noi sushchnosti zaderzhaniya podozrevaemogo [On the cognitive essence of the detention of a suspect]. Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University], 4 (3), pp. 63-67.
 14. Ustav ugolovnogogo sudoproizvodstva ot 20.11.1864 g. [Charter of criminal proceedings dated November 20, 1864] (1864). Polnoe sobranie zakonov RI. Sobranie 2 [Complete collection of laws of the Republic of Ingushetia. Collection 2], 39 (41476).
 15. Shamsutdinov M.M. (2015) Nekotorye problemy zaderzhaniya po UPK RF [Some problems of detention under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2, pp. 169-174.
 16. Sheifer S.A. (2001) Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurlitinform Publ.